

DOI: 10.15643/libartrus-2014.5.8

Ф. М. Достоевский – Возрождение – Русский Ренессанс – ренессансный миф о человеке

© А. А. Федоров

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. З. Валиди, 32.

Тел.: +7 (347) 273 68 74.

Email: a.fedorov@libartrus.com

В статье рассматриваются эстетические и духовные проблемы наследия Ф. Достоевского в связи с восприятием его творчества в русской культуре начала XX века. В работе дается оценка Н. Бердяевым значения произведений Достоевского для Русского Ренессанса, когда активно обсуждалась проблема путей дальнейшего развития литературы. Одновременно в статье обращено внимание на то, что Достоевский активно искал новые возможности литературы для непосредственного изображения гуманистического идеала. Образцы таких произведений он находил в искусстве европейского Возрождения. Автор обращает внимание на утверждение в гуманизме Возрождения особого типа человека на основе ренессансного мифа о человеке. В статье выясняется связь между гуманистическими идеями и эстетическими исканиями Достоевского, Возрождением и Русским Ренессансом начала XX века через трактовку категории «ренессансного мифа о человеке». Типологические аспекты проблемы человека в прозе Ф. Достоевского, постоянный и глубокий интерес к личности объясняют интенсивное внимание к его работам в начале XX века. В статье обсуждается вопрос о степени и характере воздействия проблем человека и особенностей реализма Достоевского на формирование взглядов деятелей Русского Ренессанса на искусство, художественное творчество и понимание мира и человека в терминах трагического гуманизма. В России Достоевский может быть оценен как тип художника, соответствующий позднему европейскому Возрождению. В статье делается вывод: через гуманистический миф ренессансного типа творчество Достоевского стало важной частью искусства и духовной культуры начала XX века.

Ключевые слова: гуманизм, Н. А. Бердяев, Возрождение, Рафаэль, Шекспир, Русский Ренессанс русская духовная культура, гуманистический миф, реализм, гуманистический идеал, трагический гуманизм, Ренессансный миф о человеке.

Известная по многочисленным исследованиям и комментариям безусловная сложность и противоречивость воззрений Достоевского не отменяет возможности определить некоторые устойчивые и достаточно упорядоченные компоненты, организующие его идейные искания и мировосприятие. К таким компонентам, несомненно, относится категория гуманистического идеала.

В романах писателя с огромной силой проявилась потребность в утверждении идеальных норм общежития и выявлении позитивной возвышенной сути и духовной красоты «маленьких людей», чья человеческая суть задавлена тяжелой рутинной повседневности. Достоевского чрезвычайно занимали мысли о перспективах обрисовать художественными средствами облик лучшего будущего и тем самым указать на существование здорового потенциала современной русской жизни. В то же время, судя по многочисленным высказываниям Достоевского, его статьям и записям в подготовительных материалах, его чрезвычайно за-

нимал вопрос о возможности и способности современного искусства воплотить со всей полнотой и законченностью гуманистический идеал в конкретных жизнеподобных художественных формах, описаниях, и образах. Поэтому Достоевский обратился к выдающимся периодам истории культуры, которым для него явилась, в частности, эпоха Возрождения.

Другим аспектом возрожденческой тематики в творчестве писателя стала трактовка его наследия в культуре начала XX века, получившей название «Русского Ренессанса». В связи с этим интересно, что еще 20-е годы прошлого столетия было предложена некая итоговая оценка творчества и особенностей гуманизма Достоевского в соотношении с европейским Возрождением. По существу встречавшиеся ранее отдельные сравнения Достоевского с Ренессансом были обобщены Л. В. Пумпянским, для которого тема о Достоевском – это тема о судьбе позднего европейского Возрождения, и «всемирно-историческое его значение заключается в том, что его поэзией Европа нудится закончить историю своего Ренессанса». Сила и очевидное величие Возрождения, глубоко воспринятое в России, привело к существованию «русской трагической культуры». Пумпянский особо выделял свойственный произведениям Достоевского «шекспиризм», что выразилось в постановке трагической гамлетовской проблемы о «возможности Ренессанса». Поэтому образ Гамлета – «ключ ко всей поэзии Достоевского», в особенности, когда мы хотим понять таких персонажей как Раскольников [1, с. 11, 17]. Таким образом, русская литература включена в контекст общеевропейских судеб Возрождения, и именно через творчество Достоевского русская культура пережила свое самобытное позднее Возрождение.

Подобный вывод позволяет поставить вопрос о значении творческого наследия и гуманистических идей Достоевского в тот период, который назывался Русским Ренессансом. Как известно, наиболее развернутое и глубокое обоснование, само определение и общая характеристика того, что было названо «Русским Ренессансом», принадлежит Н. А. Бердяеву. Именно его суждения привели к тому, что это обозначение стало общепринятым для понимания одного из значительных этапов в истории российской духовной культуры конца XIX – первых десятилетий XX вв. в сопоставлении с важнейшими духовными завоеваниями эпохи классического Возрождения. В основе многих коренных изменений того времени Бердяев видел прежде всего «переход к иному типу культуры», что и ознаменовалось «духовным ренессансом», когда происходило «народение нового типа человека, более обращенного к внутренней жизни». «Это вместе с тем была борьба за личность, за полноту творческой жизни, подавленную социальностью» [2, т. 2, с. 302–303].

Одним из истоков культурного возрождения Бердяев считал его литературно-эстетический компонент. Это проявилось в том, что произошло «изменение эстетического сознания и переоценка эстетических ценностей», и это стало «освобождением художественного творчества и художественных оценок от гнета социального утилитаризма, освобождением творческой личности». В результате стали видны «огромные размеры творчества Достоевского и Л. Толстого и началось их определяющее влияние на русское сознание и русские идеологические течения» [2, т. 2, с. 306]. С точки зрения Бердяева, Достоевский принадлежит русскому ренессансу прежде всего потому, что он был более глубоко и полно понят ведущими деятелями культуры начала XX в. Ведь «Достоевский открывает новые миры. Эти миры находятся в состоянии бурного движения. Через миры эти и их движение разгадываются судьбы человека» [3, т. 2, с. 10]. В связи с тем, что, по мысли философа, одной из задач «русского ренессанса» стало более глубокое познание человека, «только в начале XX века у нас началось духовное и

идейное движение, в котором родились души, более родственные Достоевскому» [3, т. 2, с. 10]. Таким образом, именно «исключительная поглощенность» темой человека обеспечивала Достоевскому его место среди тех деятелей культуры XIX века, которые оказались вовлечены в идейные и духовные искания эпохи символизма и религиозной философии.

В то же время необходимо отметить некоторые важные типологические предпосылки соотношения творчества и идейных исканий Достоевского с европейским Возрождением. Еще А. В. Луначарский, проясняя социальные основы «многоголосности» произведений Достоевского и особенности полифонии у Шекспира, указывал на аналогии между общественным состоянием России пореформенной поры и европейским Возрождением, когда начался «гигантский развал, гигантские сдвиги и неожиданные столкновения таких общественных укладов, таких систем сознания, которые раньше совсем не приходили друг с другом в соприкосновение» [4, т. 1, с. 163]. Достоевский несомненно сознавал себя живущим в переходную эпоху, когда особенно трудно обнаружить и способствовать укреплению духовных ресурсов общества для обновления и совершенствования человека. Он понимал, что перед ним стоят другие задачи даже по сравнению с такими писателями – современниками, как Л. Толстой. «Где вы найдете теперь такие „Детства и Отрочества“, которые могли быть воссозданы в таком стройном и отчетливом изложении, в каком представил свою эпоху и свое семейство граф Лев Толстой», – задавался вопросом Достоевский. [5, т. 12, с. 180]. Будучи художником, чрезвычайно чутким ко всяким проявлениям дисгармонии в обществе и внутреннем мире личности, Достоевский осознавал себя живущим во времена, аналогичные эпохе зрелого и позднего Возрождения: « У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть разлагающееся. Но есть, необходимо, и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметит и кто их укажет?» [5, т. 12, с. 36]. Достоевский считал, что воссоздать во всей полноте этот «хаос» может только талант шекспировских размеров, которому, может быть еще суждено появиться в России, находящейся в поисках путей к великому будущему. В то же время Достоевский – писатель в своих произведениях с поистине шекспировской свободой сводил на одной сценической площадке персонажей, которые ранее были разделены различными иерархическими и сословными барьерами. Но теперь они поколеблены, а генерал Епанчин со своей семьей присутствует при бурном разбирательстве претензий к Мышкину, в ком ничто, кажется, не указывает на его знатное происхождение, и он входит в соприкосновение с людьми совершенно не своего круга. Ставрогин – «принц Гарри» оказывается связан некими узами с разбойником Федькой. При этом примечательно, что обстановка скандала, в которой иногда пребывает Ставрогин, можно прямо соотнести с эпизодами из исторической хроники Шекспира «Генрих 1У», где наследник престола Гарри изображен в сомнительном обществе обитателей кабака «Кабанья голова» [6, с. 93]. Недаром по поводу романа «Подросток» Н. А. Бердяев пишет: «Никто не занимается никаким делом, никто не имеет прочного органического места в бытовом строе жизни, все выбиты из колеи, из путей жизнеустройства, все в истерике и исступлении» [7, т. 2, с. 154]. В результате у Достоевского над находящимися вне своей среды, теряющими привычные точки опоры героями витает дух неустойчивости, проб, ошибок и исканий, и в гигантском тигле перемешаны различные характеры, мировоззрения, идеи, оценки, амбиции, мечтания и чувства. Поэтому результаты их взаимодействия труднопредсказуемы, а вопрос об изображении позитивных гуманистических основ поведения людей в современном обществе становится одной из главных проблем романов Достоевского.

В то время многочисленные факты его творческой биографии, многие из которых уже подмечены комментаторами и исследователями, говорят о постоянном и пристальном интересе писателя к творениям эпохи европейского Возрождения. Некоторые из этих фактов следует напомнить.

В письме к Я. П. Полонскому (1861) среди своих литературных увлечений Достоевский особенно выделял «Ромео и Джульетту» Шекспира: «Потом пришел Шекспир – Верона, Ромео и Джульетта – черт знает какое обаяние» [8, с. 66]. Поэтому совершенно не случайно он неоднократно давал очень высокую общую оценку творчества Шекспира. Причисляя его к «величайшим гениям» человечества, Достоевский писал: «Это без направления, а вековечное и удержалось. Это не простое воспроизведение насущного... Вся действительность еще не исчерпывается насущным, ибо огромную своей частью заключается в нем в виде еще подспудного невысказанного будущего Слова» [9, с. 179].

В связи с этим Достоевский придавал особое значение произведениям другого великого деятеля мирового искусства, каким для него был, несомненно, Рафаэль, создатель «Сикстинской Мадонны». По свидетельству жены он мог стоять часами перед этой прекрасной картиной, «умиленный и растроганный» [10, с. 149]. Находясь в Венеции и Риме, Достоевский смог познакомиться и с другими творениями Рафаэля. По мнению Л. Гроссмана, «Достоевский постоянно искал в европейском искусстве гармонических начал живописи Возрождения» [11, с. 79].

Не случайно Достоевский постоянно сравнивал творения эпохи Возрождения, произведения Рафаэля, Сервантеса и Шекспира с западной литературой своей эпохи. Признавая человека высшей ценностью, подвергая сомнению и отвергая многие известные ему проекты социального переустройства, Достоевский особенно был внимателен к попыткам непосредственного художественного воссоздания гуманистического идеала. Например, сопоставляя произведения Ж. Санд, с прозой Г. Флобера и Э. Золя, Достоевский отмечал, что «реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное – ничего не значит» Постоянная потребность воплотить новый тип человека в иных, еще не разработанных ныне художественных формах, побуждала Достоевского с пристрастием анализировать известные ему произведения. Ему было ясно, что «реалисты неверны, ибо человек есть целое лишь в будущем, а вовсе не исчерпывается весь настоящим». «В одном только реализме нет правды» ...Золя просмотрел в Ж. Занде... поэзию и красоту, что гораздо реальнее, чем оставлять человечество при одной только грязи текущего». [12, т. 83, с. 610, 628]. Отсюда присущий Достоевскому «культ Рафаэля» (Л. Гроссман), у которого он находил непосредственное художественное воплощение гуманистического идеала в его красоте и духовности.

Между тем во многих современных произведениях, по убеждению Достоевского, тоже, по большей части, воспроизведены лишь «случайности быта» и не дано полноценное воплощение общечеловеческого идеала цельного и гармоничного человека. Поэтому Достоевский, поклонник Рафаэля, не принял «Тайную вечерю» Н. Ге: «это обыкновенная ссора весьма обыкновенных людей» По его мнению, в картине не проглядывается история христианства в его величии и колоссальном значении. [13, т. 11, с. 78–79]. В качестве положительного примера Достоевский указывал на «Анну Каренину» Л. Толстого. Имея в виду представителей светского общества, он отмечает, что перед лицом поставленных автором нравственных вопросов, «эти мелкие, ничтожные и лживые люди стали вдруг истинными и правдивыми людьми, достойными имени человеческого...» [5, т. 12, с. 53]. Однако такое возвышение над уровнем обыденности Достоевский не считал у Толстого всесторонним и всеобъемлющим.

Поэтому учитывая значение образа Левина для автора романа, Достоевский видит в нем героя, искренне мучающегося «вечными» вопросами, но остающегося принадлежащим своему сословию и слишком погруженным в поток обыкновенной жизни. Не случайно в «Дневнике писателя» рассуждения о Левине можно соотнести с записями о Дон Кихоте, которому Достоевский, несомненно, отдает предпочтение, т.к. он «один из самых великих сердцем людей» и в нем сочетаются «величайшая красота человека, величайшая чистота его, целомудрие, простодушие, незлобивость, мужество и, наконец, величайший ум...» [5, т. 12, с. 255].

Великие творения прошлого убеждали Достоевского в том, что ныне нарушилось равновесие и соотношение между устоявшимися эстетическими средствами и формами воспроизведения жизни и потребностью непосредственно художественно изобразить очертания идеального общества и полноценного образа идеального человека. Глубокая и всесторонняя приверженность гуманистической проблематике побуждала Достоевского задумываться о необходимости создать адекватные художественные формы и средства для выполнения подобной задачи. В результате подобные размышления и художественные предпочтения выводили Достоевского на уровень гуманистического мифологизма: «Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность» [13, т. 11, с. 78].

Поэтому многочисленные исследователи и комментаторы творчества Достоевского постоянно стараются указать на своеобразие его текстов. Это были образцы прозы, не укладывающиеся в привычные рамки и оценки, т.к. их содержание зачастую организуется вокруг гуманистической проблематики в духе ренессансного мифа о человеке. Недаром, по заключению Бердяева, «Достоевский «прежде всего великий антрополог, исследователь человеческой природы, ее глубин и тайн». С точки зрения философа, Достоевский не художник – реалист, не автор романов или трагедий в традиционном смысле слова. Его писательство – это особый тип творчества, это «какое-то великое искусство, целиком захватывающее, вовлекающее в свой особый мир...» [7, т. 2, с. 152]. Этот тип художественности придавал не только небывалое своеобразие его прозе, но открывает возможности соотношения его творчества и идейных исканий с эпохой Возрождения, в частности с ренессансным мифом о человеке.

В мировоззрении и в эстетических исканиях Достоевского можно обнаружить глубокие аналогии с духовной культурой эпохи Возрождения, т.к. он задумывался о создании таких художественных произведений, которые указывают на реальную возможность совершенствования человека и общества. По существу его мысль развивалась в сторону возможности осуществления мифотворчества при художественном воплощении нового типа личности, материал для изображения которого почти невозможно найти в обществе XIX в.

Именно эта острая неутолимая тяга к социальной и духовной гармонии, постоянная потребность обрисовать ее на основе веры в положительно-прекрасное в человеке создавали основу для аналогий между творческим сознанием Достоевского и духовной жизнью Возрождения. Например, известно, что в гуманистическом мировоззрении деятелей Возрождения устанавливались совершенно особые отношения между идеальным и действительным. Они провозглашали возможность существования духовно-богатого и свободного человека таким образом, что «в нем в индивидуальном проявлении прямо выступает бесконечная сущность человечества» [14, с. 117.]

Ренессансный пафос созидания нового был настолько всеобъемлющим, что это заставляло возрожденческого человека искусства «находить идеальные черты уже в состоянии тогдашнего общества» [15, с. 563]. Довольно долгое время, до эпохи Шекспира, реальное во-

площение возвышенных, как тогда выражались «божественных» качеств человека, считалось вполне вероятным, тем более, если это касалось произведений искусства. По существу люди Возрождения мифологизировали самих себя и свое существование. Ренессансный гуманистический миф – «это образ земного бытия, пронизанный высшим мировым смыслом чувственности, материальности, реальности». «Ренессансное мышление понимало совершенную норму как некий задник, просвечивающий из глубины жизненной сцены» [16, с. 227, 229]. Искусство было способно создавать художественную картину жизни, в которой черты реальности сливались с условно-поэтическими сюжетами и образами, фигурами классической и христианской мифологии и вымышленными образами, что придавало им качества непосредственной жизненной одушевленности, человечности и убедительности. Искусство Возрождения дало миру целую галерею таких образов, запечатлевших возвышенные идеалы добра, духовности и гуманности в индивидуальном выразительном художественном облике. Одни из лучших из них – это Мадонна Рафаэля, Гамлет Шекспира, Дон Кихот Сервантеса, которые как раз и привлекали внимание Достоевского.

Для Достоевского было очевидно, что в художественной картине жизни в современной литературе должно найтись место для образов высокого человеческого смысла. Этот идеальный гуманистический аспект восприятия и оценки современности хотел сохранить и развить в своем творчестве Достоевский, в частности, за счет постоянного интереса к высшим проявлениям искусства прошлого, и даже доходя до уровня мифологической экзальтации при создании образов своих героев. Ведь известно, что «возбуждая творческую энергию, миф восполняет недостаток реально данного желаемым как возможным» [17, с. 48]. Недаром, из черновых и дневниковых записей и статей видно, что Достоевский постоянно отмечал у Данте, Рафаэля, Шекспира или Сервантеса мучительные поиски человеческого идеала, а «если мы поймем его выкажем чрезвычайное уважение ко всему человечеству, облагородим себя сочувствием к нему, поймем, что это сочувствие и понимание прошедшего гарантирует нам же, в нас же присутствие гуманности, жизненной силы и способность прогресса и развития» [18, т. 13, с. 89].

В этом смысле мифологический гуманизм Достоевского вполне социален, т.к. по его мнению, потребность в гармонии как действенной силе должна особенно проявляться в исторические периоды перелома, когда люди находятся в разладе с обществом и с собой. Он выражал уверенность в том, что великие деятели искусства каждый по-своему, выведя в своих произведениях идеальных и трагических героев, могут реально способствовать переждению мира. По существу Достоевский в своих напряженных раздумьях и художественных творениях в сжатом виде пережил основные этапы гуманизма эпохи Возрождения от возвышенности мифологического гуманизма времен Рафаэля до трагических рубежей гуманистического мировидения Шекспира и Сервантеса. Несомненно, что духовные ценности искусства Возрождения, идея его служения людям во имя строительства более совершенного мира вполне отвечали стремления и помыслам «русского Шекспира» (Вяч. Иванов) Достоевского на всем протяжении его творческой жизни.

В результате не только глубина и острота психологического анализа, постановка насущных социальных и религиозно-философских проблем, изображение мира социальной несправедливости и нездоровых начал человеческой личности, но и приверженность Достоевского ренессансному мифу о человеке создавали предпосылки для самого пристального внимания к наследию Достоевского в начале XX в. Ведь содержание Русского Ренессанса свя-

зано с типологическими аналогиями между этапами и особенностями развития русской и западноевропейской культуры от прошлого к современности.

Одновременно своеобразие Русского Ренессанса определялось небывало самобытным синтезом вершинных проявлений российской духовной традиции XIX в., западноевропейских влияний со свойственными самой этой эпохе творческими достижениями в философии, религии, живописи, литературе и поэзии. Все это побуждало обратиться к произведениям Достоевского. Ведь важной особенностью Русского Ренессанса стало признание самостоятельного значения культуры, искусства и красоты не только в художественном творчестве, но и в деле преображения человека и преобразования всего окружающего мира. Это сочеталось с утверждением ценности человека и синтезом различных явлений духовной жизни в умственной, нравственной и художественной сферах.

Несомненно, что Русский Ренессанс как переходная эпоха стал возможен благодаря тому духовному и культурному потенциалу, который сложился в России на протяжении всего XIX в. В этом плане художественные опыты, духовные и идейные искания Достоевского были востребованы и осмыслены новым поколением деятелей культуры и искусства, в частности, в том что касалось мифотворчества в аспектах социального, духовно-культурного религиозно-философского и эстетического преобразования мира и человека в исповедальных и художественных формах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пумпянский Л. В. *Достоевский и античность*. Петроград, 1922. 50 с.
2. Бердяев Н. А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» // *Философия творчества, культуры и искусства*. М., 1994. Т. 2. С. 301–322.
3. Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского // *Философия творчества, культуры и искусства*. М., 1994. Т. 2. С. 7–140.
4. Луначарский А. В. О «многоголосности» Достоевского // *Собрание сочинений*. М., 1963. Т. 1. С. 157–179.
5. Достоевский Ф. М. *Дневник писателя за 1877 год* // *Полное собрание художественных произведений*. М., 1929. Т. 12. 464 с.
6. Гроссман Л. *Библиотека Достоевского*. Одесса, 1919. 168 с.
7. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // *Философия творчества, культуры и искусства*. М., 1994. Т. 2. С. 151–176.
8. *Из архива Достоевского. Письма русских писателей* / Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1923. 138 с.
9. *Записные тетради Ф. М. Достоевского*. М., 1935. 476 с.
10. Достоевская А. Г. *Воспоминания*. М., 1971. 496 с.
11. Гроссман Л. Достоевский и Европа // *Три современника. Тютчев – Достоевский – Аполлон Григорьев*. М., 1922. 116 с.
12. Литературное наследство. *Неизданный Достоевский*. М., 1971. Т. 83. 728 с.
13. Достоевский Ф. М. *Дневник писателя за 1873 и 1876 годы* // *Полное собрание художественных произведений*. М., 1929. Т. 11. 512 с.
14. Гачев Г. *Жизнь художественного сознания*. М., 1972. 200 с.
15. Лосев А. Ф. *Эстетика Возрождения*. М., 1978. 623 с.
16. Баткин Л. М. Ренессанс и утопия // *Из истории культуры средних веков и Возрождения*. М., 1976. 315 с.
17. Кесседи Ф. Х. *От мифа к логосу*. М., 1972. 312 с.
18. Достоевский Ф. М. Г-бов и вопрос об искусстве // *Полное собрание художественных произведений*. М., 1930. Т. 13. 650 с.

Поступила в редакцию 10.10.2014 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2014.5.8

F. M. Dostoevsky – Russian Renaissance – Renaissance Human Myth

© A. A. Fedorov

*Bashkir State University
32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (347) 273 68 74.
Email: a.fedorov@libartrus.com*

The aesthetic and spiritual problems of a heritage of F. Dostoevsky in connection with the perception of his works in Russian culture of beginning of XXth century are considered in the article. N. Berdjaev's estimation of value of Dostoevsky's works for Russian Renaissance, when was active discussions the problems of the humanism and further development of the literature and culture, is given in the work. The author has paid attention to Dostoevsky's activity in search of new opportunities of the literature for the direct image of a human ideal. The remarkable examples of such works were found by the writer in art of the European Renaissance. The opinion that humanism of Renaissance was formed by special type of the self-made man of art and spirit on the basis of the Renaissance myth of person is supported in the article. The author established a connection with humanistic ideas and aesthetic searches of Dostoevsky, Renaissance and Russian Renaissance of beginning of XXth century through the interpretation of a category "the Renaissance myth of man". In Russian culture Dostoevsky can be estimated as the type of the artist corresponding late European Renaissance Typological aspects of a human myth in F. Dostoevsky's prose can explain fixed attention to his works in beginning of XXth century. Constant and deep interest for a person and spiritual life ensured the high degree and important features of influence of his works on formation of views of Russian Renaissance on art, art creativity and understanding of the world and the person in terms of tragical humanism. As a result, Dostoevsky's creative heritage with his humanistic myth of the Renaissance type became the important part of art and Russian spiritual culture of beginning of XXth century.

Keywords: *humanism, N. Berdyaev, Renaissance, Raphael, W. Shakespeare Russian Renaissance, Russian spiritual culture, human myth, realism, human ideal, tragical humanism, Renaissance human myth.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Fedorov A. A. F. M. Dostoevsky – Russian Renaissance – Renaissance Human Myth // *Liberal Arts in Russia*. 2014. Vol. 3. No. 5. Pp. 395–403.

REFERENCES

1. Pumpyanskii L. V. *Dostoevskii i antichnost' [Dostoevsky and Antiquity]*. Petrograd, 1922.
2. Berdyaev N. A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*. Moscow, 1994. Vol. 2. Pp. 301–322.
3. Berdyaev N. A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*. Moscow, 1994. Vol. 2. Pp. 7–140.
4. Lunacharskii A. V. *Sobranie sochinenii*. Moscow, 1963. Vol. 1. Pp. 157–179.
5. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedenii*. Moscow, 1929. Vol. 12.
6. Grossman L. *Biblioteka Dostoevskogo [Library of Dostoevsky]*. Odessa, 1919.
7. Berdyaev N. A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*. Moscow, 1994. Vol. 2. Pp. 151–176.
8. *Iz arkhiva Dostoevskogo. Pis'ma russkikh pisatelei*. Ed. N. K. Piksanova. Moscow, 1923.
9. *Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo [Notebooks of F. M. Dostoevsky]*. Moscow, 1935.
10. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya [Memories]*. Moscow, 1971.

11. Grossman L. *Tri sovremennika. Tyutchev – Dostoevskii – Apollon Grigor'ev*. Moscow, **1922**.
12. *Literaturnoe nasledstvo. Neizdannyi Dostoevskii [Literary Heritage. Unpublished Dostoevsky]*. Moscow, **1971**. Vol. 83.
13. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedenii*. Moscow, **1929**. Vol. 11.
14. Gachev G. *Zhizn' khudozhestvennogo soznaniya [Life of Artistic Consciousness]*. Moscow, **1972**.
15. Losev A. F. *Estetika Vozrozhdeniya [Aesthetics Of Renaissance]*. Moscow, **1978**.
16. Batkin L. M. *Iz istorii kul'tury srednikh vekov i Vozrozhdeniya*. Moscow, **1976**.
17. Kessedi F. Kh. *Ot mifa k logosu [From Myth to Logos]*. Moscow, **1972**.
18. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedenii*. Moscow, **1930**. Vol. 13.

Received 10.10.2014.